

Так тосковали руки...

Талантливая повесть вологодского писателя Василия Белова «Привычное дело» — реалистическое, народное по духу произведение о человеке-труженике, в котором автор разглядел такую нежность, доброту и душевную щедрость, что с каждой страницы его книги веет теплом и любовью к человеку. Газета «Правда» (3 марта 1967) справедливо отмечала, что эта повесть стала значительным событием среди произведений истинно гражданской литературы о деревне.

Выразителен и сочен язык повести. Нарочный характер языка В. Белова достигается органическим слиянием в словесной ткани его произведений элементов литературного языка, просторечия и диалектной речи, севернорусских, и прежде всего вологодских, говоров.

В повести «Привычное дело» встречаются диалектизмы разных типов: лексические (собственно лексические и этнографические), семантические, фразеологические, грамматические (морфологические и синтаксические), словообразовательные, фонетические.

Наиболее употребительны лексические диалектизмы. Элементы вологодской лексики отмечены в речи как главных (Иван Африжанович, Катерина, Мишка, Евстолия), так и эпизодических героев повести. Из числа лексических диалектизмов укажем слово *баской* 'красивый': «Меня не любят девушки, только бабь небаские, да и то за денежки» (в частушке, которую поет Мишка-тракторист).

Прилагательное *баской* образовано от существительного *баса* 'краса', 'красота'. Словари современного русского литературного языка не содержат этого слова. В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» приводит в словарной статье *баса* глагол *басить* с пометой «северо-восточное». По данным областных словарей, в олонечких говорах *баской* 'хороший', 'красивый', в архангельских — *баской*, *басой*, *басистый* 'красивый', 'нарядный', в ярославских — *баской*, *басой* 'нарядный', 'щеголеватый', 'хороший', 'красивый', в сибирских — *баской* 'красивый', в псковских — *баской* 'красивый', 'хороший', «Словарь русских народных говоров» (М.—Л., 1966) свидетельствует о широком распространении упомянутого слова в говорах, и прежде всего в севернорусских.

В речи героев повести отмечены также следующие собственно лексические диалектизмы: *батог* 'палка', 'посох'; *божат* 'крестный отец'; *божатка* 'крестная мать'; *братан* 'двоюродный брат'; *гоношиться* 'хлопотливо заниматься хозяйственными делами по дому'; *грамотка* 'бумага с написанным от руки текстом'; *домовина* 'гроб'; *загорода* 'огород при доме', 'приусадебный участок'; *оболоткись* 'одеться'; *отпышкаться* 'отдыхаться'; *полица* 'деревянная полка'; *поскотина* 'пастбище, огороженный выгон для скота'; *угор* 'возвышенность', 'холм'; *упегать* 'утомить' и др.

Описывая северную природу и быт своих героев, В. Белов охотно прибегает к использованию этнографических диалектизмов. Цель их употребления — создание местного колорита, реалистическое описание обстановки, которая окружает героев повести. Например: *куть* 'часть избы, предназначенная для кухни, где помещается русская печь, полка для посуды и кухонной утвари'. «Чую, в куте половица скрипнула...» (Евстолия); *сенник* 'холодная комната в крестьянской избе, отделенная от теплой сенями', 'чулан'. «В Нюшкином-то сеннике кто три дни отсиживался?» (Евстолия); *поветь* 'помещение под павесом в крестьянском дворе для хранения хозяйственного инвентаря, сена'. «...Взял топор, боком, бодрясь, пошел на поветь» (Катерина).

В речи героев используются и так называемые семантические диалектизмы, то есть случаи, когда слово, известное и литературному языку, имеет специфически диалектное значение. Таково слово *чуять*. Этот глагол отмечен в значениях 'слышать', 'чувствовать', причем в первом значении не только в речи персонажей, но и в авторской, а во втором — лишь в авторской речи; глагол *чуяться* (только формы прошедшего времени) — в значениях 'слышаться', 'чувствоваться' только в авторской речи: «Вот, милая, только я задремала на печи-то, чую, в куте половица скрипнула» (Евстолия); «Где-то вдалеке чуялись бравурно-печальные крики изнемогающей в полете журавлиной стаи» (авторская речь).

Герои, наделенные по воле автора чувством юмора, употребляют фразеологические диалектизмы: «Тут уж, ежели я вышил, мне встречь слова не говори и под руку не попадай, у меня рука кому хошь копоты нагонит...» — образно говорит о себе Иван Африканович; «Вон и деревню видно, сдадим мы товар, самовар поставим, нам теперь *все вчера до обеда*» [всё нипочем] (Иван Африканович).

Лексически, семантические и фразеологические диалектизмы обычно не разъясняются в тексте (такова особенность стиля писателя), так как значение диалектного слова или оборота понятно из контекста.

В отдельных случаях (они единичны в повести) в речи персонажа в одной фразе наряду с лексическим диалектизмом употребляется его литературный синоним. Сам герой прямо или косвенно разъясняет значение диалектного слова: «...а *домовину-то* Федор строгал, я угольков-то разожгла в чугушке да обнесла, обкурила *гроб-от*» (Евстолия); «Я их на *чуночках*, на *санках* то есть» (Иван Африканович); «Я ему всуерьез, а он только *бухтины гнуть*. Только и знаешь языком *плести*», — говорит старику Курову бойкая бабенка Дашка-Путанка.

Лексические диалектизмы многочисленны и в авторской речи. Это особенность стиливой манеры Белова. Подавляющее большинство лексических диалектизмов в авторской речи, по нашему мнению, стилистически оправдано. Их употреблением достигается большая достоверность изображения действительности, авторская речь приобретает непринужденный разговорный характер, сближается с речью героев. Стилистическая целесообразность употребления лексических диалектизмов особенно очевидна в тех случаях, когда автор излагает мысли персонажей от своего лица, то есть в так называемой «свободной косвенной» или «несобственно-прямой речи».

«Ой, Путапка лешева, не зря трясла подолом *в поскотине*, когда ходили городить лесной огород!». Это пример несобственно-прямой речи. Белов передает здесь воспоминания Катерины. Или— Катерина возвращается из больницы; автор знакомит читателя о ее мыслями: «Тихо. У всех ворот *батоги*, видно уж и на сикос косят. *Батог* и в скобе у своих ворот».

Обилие лексических диалектизмов объясняется и тем, что авторская речь в количественном отношении преобладает в повести (особенно если иметь в виду также несобственно-прямую речь) над речью персонажей. Вот некоторые примеры: *батог*, *загорода*, *ворота*, *полица*, *поскотина*, *угор*, *костер*, *двор* — ‘поленища дров’, *лыва* ‘болото’, *обряжаться* ‘управляться по хозяйству: убирать избу, топить печь, кормить скот’ и т. д.; *огород* (также и в форме женского рода — *огорода*) ‘забор’; *очеп* ‘длинный шест, прикрепляемый к потолку, на нем качается детская колыбель’, *пожог* ‘костер’ (в поле, в лесу); *стайка* ‘помещение для скота’, ‘хлев’; *портомай* ‘плот или другое устройство на реке для стирки и полоскания белья’; *чапыжник* ‘частый кустарник’.

Очень интересная стилистическая особенность повести, одно из средств достижения образности — метафорическое употребление диалектизмов в авторской речи: «И опять *зашаялась* в сердце скорбная горечь»; «И сразу все успокоились, доверительные разговоры *зашаялись* в трех местах». Слово *шаять* ‘гореть без пламени, тлеть’, по данным областных словарей русского языка, — принадлежность севернорусских говоров; «В белой пыли большой дороги захлебывались, *пышкали* машинные скаты: отпускиники валили гужом» — *пышкаль* ‘тяжело дышать, задыхаться’ не отмечено словарями современного русского литературного языка.

Употребление некоторых (немногих) лексических диалектизмов в речи героев и особенно в авторской речи, по нашему мнению, не вполне оправдано: «А вот хошь, сейчас привернем? Хоть сейчас и сосватаю!» (Иван Африканович); — А что, думаешь *сгузаю*?» — отвечает Ивану Африкановичу Мишка. Глагол *сгузать* (*сгузать*) не отмечен словарями русского литературного языка. Контекст едва ли помогает читателю понять значение диалектного *сгузаю*. Только обращение к Словарю В. И. Даля, а также к диалектным словарям русского языка позволяет понять его значение: *гузать* 'пятиться, не устанывать в слове', 'робеть', 'трусить', 'отказываться' — «вологодское» (Словарь В. И. Даля).

«Мшистый *колодник* не давал идти, сучья древних сушин держали за *фуфайку*» (речь автора). Из контекста лишь до известной степени можно предположить, что имеются в виду, по-видимому, какие-то болотные растения, но так ли это, не вполне ясно. В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» *колодник* дано с пометой «областное» в значении 'бурелом'.

«Подошел другой, знакомый Рогуле мужик, пахнувший трактором п табачным дымом, сел на *стелюга*». Из контекста читателю едва ли ясно, что такое *стелюга*. Словари современного русского литературного языка не содержат этого слова. В Словаре В. И. Даля находим: *стелюга* 'долгое тонкое бревнышко (в лесах на стройке), настилка, стлань', 'козлы для штакетуров и маляров'. Почувствовав, по-видимому, что этот диалектизм может быть непонятен читателю, В. Белов на той же странице повести косвенно разъясняет значение слова. «Ее черно-пестрая *пукра* [речь идет о корове] висела на коромысле внутри шерстью, а на четырехногой деревянской *стелюге*, на которой пилят дрова, лежала и остывала большая Рогулина голова». Лишь теперь становится очевидным, что *стелюга* — 'козлы, подставка для пилки дров'. Словообразовательные диалектизмы отмечены преимущественно в речи героев повести: *бабицы* 'бабы', *зоотехница* 'женщина-зоотехник', *работальницы* 'работницы', *матка* 'мать', *поотдохнуть* и другие.

Существительные мужского рода с суффиксами *-ушк*, *-ишк*, *-к*, обозначающие лицо и имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-о*, изменяются в вологодских говорах в отличие от литературного языка по образцу второго склонения. Эта диалектная особенность нашла отражение в речи героев повести: «А вот мы с *Ванюшкой* и пробудились, вот мы с миленьким проголодались» (Катерина); «Я *мальчишко-хулиган*, меня не любят девушки...» (Мишка).

Имена прилагательные мужского рода с твердой основой имеют в вологодских говорах как ударное, так и безударное окончание *-ой*, с мягкой основой *-эй*. Эта местная особенность нашла

широкое отражение в повести в речи персонажей: «Вон из-за него *озимой* сев срываем» (председатель колхоза); «Не *пьяной*, парень... *Голодной*...— еле вымолвил Иван Африканович»; «Кот-от у нас *тяжелой* на ногу» (Евстолия).

Под влиянием главным образом орфографии посетители вологодских говоров усваивают в настоящее время безударные флексии *-ый, -ий* в именах прилагательных. Эти живые процессы, происходящие в говорах, нашли отражение в речи персонажей анализируемой повести: «...пошли мы в тыл к немцу,— рассказывает Иван Африканович,— Мишуха *рязанской*, да татарин Охмет, да наших вологодских двое, *усть-кубинский* Сапогов Оленка и еще один...»; «И чую, будто бы голос, до того *явственный, тихой* такой голос, вроде как бабушка-покойница говорит...» (Евстолия).

Формы инфинитива на *-гчи* наблюдаются во многих вологодских говорах. Сравни в речи Ивана Африкановича: «Заказала бы с кем, встретил бы, лошадь долго ли *запрягчи*». В речи героев повести отражены и некоторые синтаксические особенности вологодской речи. Такова конструкция «предлог *по* с винительным падежом существительного в значении цели»: «Вон *по мышей* пошел *по капуте*...» (Куров); повторение предлога перед определяемым словом и определением — черта чрезвычайно характерная и для языка фольклора: «*От старшой-то, от Таньки-то* ходят письма?» (Степановна); «Не много и жить осталось, леший с ней и с *жизью-то*» (Пятак).

Для подчеркивания, выделения отдельных слов, относящихся к категории имени, в вологодских говорах, как и в севернорусском наречии вообще, широко употребляются постпозитивные частицы *то, от, та* и т. п., особенно часто встречается *-то*: «А и ты-то парень у нас не худой, чего говорить» (Иван Африканович); «Вот только бы ее выносить, а Иван-от в избу, да с порога на гроб-от и хлесть...» (Евстолия); «Медаль-ту за какие тебе позиции выдали? Больно хорошая медаль-то» (Куров).

В вологодских говорах, как и в большинстве севернорусских, употребляется частица *дак*, имеющая выделительно-усилительное значение. Часто она употребляется, как бы заключая высказанную мысль: «Дак ты-то какова здоровьем-то?» (Евстолия); «А вот когда я в Сибире был, *дак*...» (Куров).

Грамматические диалектизмы почти фотографически отражают диалектные явления, свойственные вологодским говорам. Фонетические диалектизмы, отличаясь меньшей эмоциональностью, в повести сравнительно малочисленны и

наблюдаются только в речи героев — представителей старшего поколения (старики Куров, Федор, Степановца, Иван Африканович).

Из числа фонетических явлений, характеризующих вологодские говоры, в речи героев повести находят отражение следы полного оканья: «Захожу, а в каптерке все мои дружки: и *Олешка* Сапогов, и татарин *Охмет*, ну и Мишуха рязанский там был» (Иван Африканович); «...В этой войне было, значит, сперва только два героя, это Матросов *Олександр*, да Теркин...» (Федор); «Только мужиков смущает, *сотона* полосатой» (бабы).

В речи старух Евстолии и Степановны отражается произношение *и* на месте *е* (ѣ) под ударением перед мягкими согласными: «Приди уж, Степановна, в сорочины-ти, приди, шестая *нидилька* ведь пошла, шестая...» (Евстолия); «Ой, ой, хоть бы *нидильку*, *нидильку*...» (Степановна).

Нашла отражение в речи героев повести и такая особенность многих вологодских говоров, как твердое произношение долгих щипящих: «Попробуй,— говорят,— лейтенанту пожалуйста, мы тебе *ишшо* навешаем» (Иван Африканович); «Как думаешь, не будет *дожжа-то?*» (бригадир). Писатель также показал в речи персонажей диссимиляцию согласных в сочетаниях *кт*, *чн*: «Я говорю, что Дрынова *кто* зажмет? *Некто*...» (Иван Африканович); «...бывало, бежишь по мосту весь *празднишной*, дак копытки-ти у тебя так и брыкают...» (Иван Африканович).

Таковы некоторые наблюдения над использованием диалектизмов в повести В. Белова «Привычное дело».

Л. А. Булаховский писал: «Можно назвать ряд писателей, у которых любовь к крестьянской речи и стилизация под нее становятся типическими чертами их собственного слога. К таким можно причислить... В. Даля, П. Мельникова-Печерского, С. Макашова, из наших современников такого прекрасного мастера, как М. Шолохов..., А. Чапыгина, Ф. Панферова..., Л. Леонова... и ряд других; в стихотворной форме — Демьяна Бедного, Твардовского, Яшина и т. д.» (Курс русского литературного языка. Киев, 1952, стр. 71).

Мы отнесли бы сюда и Василия Белова, которому, по нашему мнению, удалось достичь удивительного единства содержания произведения и его формы — языка.

Т. Г. ПАНИКАРОВСКАЯ

Вологда